

Иващенко Яна Сергеевна

"ИДУЩИЕ ЗА ОЛЕНЯМИ" И "ОЖИДАЮЩИЕ ПУТИНЫ": К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ

В статье представлен опыт типологии культуры жизнеобеспечения тунгусо-маньчжуров в аспекте их взаимодействия с природной средой, показана связь инвариантного образа пространства и времени с конкретным ландшафтом и видом материальной практики; характеристики основных типов рассмотрены в их отношении к периферийным зонам, в которых возникали новые формы жизнеобеспечения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 59-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

неприкосновенность сферы частной жизни в процессе почтовых и телеграфных отправок («почтовое прайвеси» и «телеграфное прайвеси»).

Это подтверждается существованием в период до 1890 года национальных законов, устанавливающих неприкосновенность информации, содержащейся в частных отправлениях. В качестве примера можно привести британские законодательные акты 1863, 1868 и 1884 гг. о почте (или, как их ещё называют, законы о защите почтовых отправок).

Таким образом, могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, изменение форм права на неприкосновенность частной жизни («прайвеси») связано со сменой доминирующих носителей информации в обществе, порождаемой развитием информационных технологий в процессе НТР.

Во-вторых, техногенные факторы, порожденные НТР, все более заметно влияют на многие права человека, в том числе и на право на неприкосновенность частной жизни.

В-третьих, существующие традиционные институты защиты права человека на неприкосновенность частной жизни не успевают соответствовать его эффективному уровню защиты адекватных техническому прогрессу.

Список литературы

1. **Иванский В. П.** Правовая защита информации о личной жизни граждан (опыт современного правового регулирования). М.: Изд-во РУДН, 1999.
2. **Иванский В. П.** Правовая защита сферы частной жизни в США: теория и практика. М., 2010.
3. **Иванский В. П.** Правовые средства защиты частной жизни в США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. М., 2005. № 2.
4. **Иванский В. П.** Становление правового института информационной безопасности сферы частной жизни: учебник. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2001.
5. **Diaz v. Oakland Tribune.** 139 Cal. App. 3d 118. 1983 // Warren Freedman. Right of Privacy in Age of Computer. L. - N. Y., 1986.

RIGHT TO PRIVATE LIFE AND SCIENTIFIC-TECHNICAL PROGRESS

Valerii Prokop'evich Ivanskii, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Administrative and Financial Law
Peoples' Friendship University of Russia
ivansky_valera@mail.ru

The author shows the interrelation of scientific-technical revolution with the evolution of right to private life. The scientific basis of right to private life research is information carriers: mass-media, computers and computer networks. At a certain stage of society historical development this or that dominating information carrier predetermines the character and structure of prevailing encroachments on the sphere of private life in the form of illegal personal information processing. Each kind of encroachment on the sphere of private life forms new right to private life understanding accompanied by new private life protection means search.

Key words and phrases: right to private life inviolability and its forms; information technologies; information carriers; phases of industrial informational society and sources of threats for right to private life.

УДК 008

В статье представлен опыт типологии культуры жизнеобеспечения тунгусо-маньчжуров в аспекте их взаимодействия с природной средой, показана связь инвариантного образа пространства и времени с конкретным ландшафтом и видом материальной практики; характеристики основных типов рассмотрены в их отношении к периферийным зонам, в которых возникали новые формы жизнеобеспечения.

Ключевые слова и фразы: культура жизнеобеспечения; природно-экологическая подсистема; типология; изоморфные модели; периферия.

Яна Сергеевна Иващенко, к. культурологии, доцент
Кафедра культурологии
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
iva_ya@mail.ru

«ИДУЩИЕ ЗА ОЛЕНЯМИ» И «ОЖИДАЮЩИЕ ПУТИНЫ»: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ®

В объем понятия «культура жизнеобеспечения», используемого в этнокультурологическом подходе к описанию культуры, входят жилищно-поселенческий комплекс, комплекс одежды и комплекс питания.

Имеющийся опыт классификации этой подсистемы культуры народов Сибири и Дальнего Востока, представленный в этнографии, опирается на концепцию хозяйственно-культурных типов или историко-культурных общностей, а сами культуры рассматриваются как реликты, застывшие во времени локальные типы. В нашей типологии, учитывающей предшествующий исследовательский опыт, сочетается несколько критериев (тип хозяйства, география расселения, образ жизни, культуuroобразующие природные объекты), а составляющие культуры жизнеобеспечения описаны в их системном единстве как конкретный исторический тип практики. При описании типов показана связь способа жизнеобеспечения с формированием ментальных особенностей народов, образующих тунгусо-маньчжурскую языковую группу (эвенков, эвенов, негидальцев, орочей, ороков, ульчей, нанайцев, удэгейцев). Специфику настоящей систематизации составляет также изучение характеристик типов, формируемых на конкретных природных участках, в их сопоставлении с периферийными зонами, где возникали новые виды деятельности. Такой подход позволяет изучить жизнеобеспечивающие практики в культурно-исторической динамике. Подробный анализ этой подсистемы в аспекте ее становления и развития помогает пониманию процессов, протекающих в других сферах, так как многие культурные константы закладываются в материально-практической деятельности, реализуемой в пределах конкретного ареала.

Анализ культуры жизнеобеспечения тунгусо-маньчжуров в аспекте их взаимоотношения с природной средой выявил внутри этой общности два полярных типа жизнедеятельности: первый был представлен культурой кочевых оленеводов-охотников тундры и тайги, второй – полуоседлыми рыбаками бассейна р. Амур. Эти жизнеобеспечивающие практики представляли собой разные, но достаточно однородные внутри каждого локального типа подсистемы культуры. Целостность каждого обуславливалась наличием у группы народов единого инвариантного образа пространства и времени, производного от особенностей их материального производства. Первый был адаптирован под годовой режим таежных животных и прирученных оленей, а второй – под ресурсы ихтиофауны региона.

В целом, у этих народов вплоть до сер XX в. преобладали «экстенсивные формы деятельности», основанные на непрерывном освоении «все новых и новых объектов и зон приложения активности» [5, с. 21]. Такой способ деятельности, согласно Э. С. Маркарян, был свойственен начальному этапу развития любых социокультурных систем [Там же, с. 20]. В процессе освоения и «присвоения» естественной среды обитания создавалась новая среда или культурное пространство, образуемое не только реальными предметами, локализованными в пространстве, но и смыслообразующими связями между его объектами и явлениями. В контексте натурального хозяйства эти две сферы были еще максимально близки друг другу и образовывали синкретическую целостность. Любое заимствование у природы для удовлетворения собственных нужд рассматривалось как частичное нарушение равновесия, которое восстанавливалось в ходе проведения специфических ритуалов кормления и продуцирующих обрядов. В общих чертах такой принцип жизнедеятельности сохранялся у тунгусо-маньчжуров Сибири и Дальнего Востока вплоть до конца XIX в. Он проявлялся в наличии изоморфных моделей цикличного чередования природных ритмов и сезонного изменения культуры жизнеобеспечения, а также в подражании в процессе конструирования пространства жизнедеятельности внешнему природному окружению, проведении обрядов обмена дарами.

Доминанта оленеводства и охотничьего промысла предполагала наличие кратковременных и немногочисленных зимних стойбищ, рассеянных на большом расстоянии друг от друга. Эти особенности – следствие ограниченности в холодный период года природных ресурсов (корма для домашних оленей и промысловых животных), обеспечивающих эти виды хозяйственной деятельности, а также постоянного перемещения «движимых» источников питания в пределах ареала распространения. Летом, ввиду большей доступности корма, а также связанной с потребностями оленеводства миграцией на морское побережье, где у людей появлялся дополнительный источник питания – рыба, стойбища становились более населенными и долговременными. Время образования многолюдных стойбищ приходится на период сбивания диких оленей в стада для отела или гона. В поведении домашнего оленя сохранялись эти природные ритмы. Появление стационарных поселений многократного использования при их сочетании с сезонными кратковременными промысловыми типами стоянок связано у некоторых групп тунгусов также с ростом значения рыболовства при частичной утрате оленеводческих навыков и снижении роли охоты в их хозяйстве. Однако, несмотря на эти вновь возникшие факторы, которые можно рассматривать и в плане территориального размежевания групп тунгусов (другие тунгусы продолжали бродить с оленями, совмещая оленеводство с охотой), и в аспекте динамики культуры оленеводов-охотников, такие явления как постоянное поселение и индивидуальная усадьба с обязательным перечнем хозяйственных сооружений у основной массы тунгусов второй половины XIX – начала XX в. еще практически не наблюдались.

Преобладание же рыболовного промысла у родов, получивших в XX в. этнонимы ульчи и нанайцы, в районе основного русла р. Амур, способствовало развитию не просто стационарных, а постоянных поселений с приусадебным комплексом, обслуживающим комплексное хозяйство различных сезонов. Более многочисленные, по сравнению с оленеводческими стойбищами, поселения рыбаков возникали на правом берегу Амура, где проходил путь миграции лососевых. Если основная масса охотников и оленеводов была вынуждена следовать за источником своего питания по пути его ежегодных перемещений, то эти ихтиофаги, ввиду специфики их промысловой деятельности и обилия вплоть до начала XX в. рыбных ресурсов в реке Амур, имели возможность проживать в пределах ограниченного ареала, удаляясь от мест постоянного поселения на

определенное время лишь в связи с охотничьим промыслом, собирательством или совершением обмена. Возможность посредством речного рыболовства прокормить свой род стала привлекать и тунгусов, когда ресурсы тайги постепенно начали иссякать. Поэтому некоторые их роды оседали в Приамурье и Приамгунье.

Однородность технологии строительства жилищ является следствием единообразия хозяйственной деятельности. Ярким примером такой гомогенности является культура жизнеобеспечения тунгусов, хозяйственный год которых был полностью подчинен нуждам оленеводства. В этом случае постройки не дифференцировались в зависимости от сезона и природных условий места кочевания (отличие заключалось лишь в степени утепления жилого помещения, т.е. количестве используемых покрышек для чума). Вариативность же построек внутри одной локальной общности, в том числе в зависимости от сезона, отражает рост разнообразия ее хозяйства. Не случайно деление сооружений и поселений на зимние и летние, жилые и промысловые было больше свойственно полуседлым рыболовам. Наличие у народов юга Дальнего Востока комплексного хозяйства с доминантой рыболовства обусловило существование у них, наряду с постоянными поселениями и жилищами, стационарных и временных стоянок и сооружений на местах сезонных промыслов: в тайге или около воды. Хотя население основного русла реки летние промысловые поселения устраивало значительно реже, занимаясь ловом рыбы и летом, и зимой недалеко от локализации постоянного жилища.

В тайге наиболее востребованным типом дома (даже у большинства южных тунгусо-маньчжуров во время охотничьего промысла) оставался конический чум с круглым основанием. На открытых же площадках возле реки у тунгусов доминировали сооружения с прямоугольным основанием. Изменение конфигураций построек у эвенков и эвенов – следствие не только контактов с рыболовами и зверобоями побережья Охотского моря, но и использования другого материала (например, коры), не позволявшего образовать правильную округлую форму. Переход к другим материалам мог быть результатом частичной или полной потери оленей, обеспечивавших оленеводов и пищей, и материалом для покрытия тела и жилищ. С возникновением незначительной сезонной оседлости появился стационарный тип жилища, а также новый тип сооружений – промысловое жилище одноразового или многократного использования, временный статус которого подчеркивался существованием более постоянного стационарного сооружения.

Нетипичные для большей части тунгусских племен явления – срубные дома или подземные сооружения, пазовая техника строительства, двускатная крыша, кановая система отопления и усадьба – наблюдались больше в пограничной зоне, где эвенки и эвены имели регулярные контакты с другими типами культур. В качестве таких зон следует отметить бассейн р. Амгунь (главным образом, низовья), Приамурье (район расселения относительно оседлых рыболовов), а также Прибайкалье и Забайкалье (место проживания «обураченных» эвенков). Зато подобные исключения в среде тунгусов составляли основную группу постоянных построек оседлых рыболовов основного русла р. Амур, используемых ими больше зимой. Причем, наличие отопительной системы отмечено далеко не в самом холодном климатическом поясе ареала их расселения – на юге Дальнего Востока. Развитие кановой системы, с одной стороны, тесно связано с развитием прямоугольных в плане постоянных зимних жилищ, а с другой, – с традициями домостроительства народов Юго-Восточной Азии.

Анализ хозяйства и топографии жилищно-поселенческого комплекса тунгусо-маньчжуров показал наличие изоморфных моделей. Хозяйственный «круг» как траектория миграции диких и домашних оленей и, соответственно, перемещения оленеводов-охотников повторился в планировке их поселений, форме основания жилища и его внутреннем обустройстве. Линейное же очертание русла реки – главной связующей артерии в условиях непроходимой тайги юга Дальнего Востока и канала поступления основного источника питания народов этого региона (лососевых, которые шли косяками против ее течения) – стало моделью организации поселений рыболовов, растянувшихся линейно вдоль берега. Каркас их постоянных жилищ образовывали прямые линии, чередующиеся в ряде временных промысловых жилищ с дугообразным их вариантом. Конфигурация очага являлась микромоделью дома и отражала его очертания: в прямоугольных постоянных сооружениях рыболовов печь, в которую монтировался круглый котел, имела форму куба, во временных же оленеводческих жилищах с эллипсоидным основанием она состояла из одного круглого очага, который оставляли в подвешенном состоянии.

Наличие этих же моделей отмечалось у народов Сибири и Дальнего Востока в практиках, не связанных с материальным производством. Исследователь танцевального искусства народов этого региона С. Ф. Карабанова пишет, что круговые движения были распространены у эвенков, эвенов, негидальцев, орочей, а также якутов, т.е. народов, имеющих опыт оленеводства. Однако у нанайцев, удэгейцев, ульчей, а также нивхов она отмечает «отсутствие круга». Все круговые элементы у народов юга Дальнего Востока представлены в танцах, исполняемых во время медвежьего праздника, происхождение которого связано с культурой охотников [2, с. 81].

Идея уподобления и сопричастности вмещающему ландшафту у тунгусо-маньчжуров материализовалась и в производстве костюма. У эвенков и эвенов целесообразной при изготовлении облачения для конкретной части тела человека считалась шкура с той же части туловища животного; ровдужные ремешки, подобно жилам опорно-двигательного аппарата животных, плотно соединяли детали одежды, но не стесняли движения охотника-олeneвода. Костюм наиболее оседлых рыболовов, особенно женский, был уже менее подвижен, главным образом, за счет наличия в нем большего количества цельнокроеных деталей, хотя на облачение охотника эта особенность практически не распространялась. Начальный этап процесса производства одежды из главного материала рыболовов – рыбьей кожи – был, в отличие от тунгусского способа кроя целой шкуры на части, направлен на воссоединение отдельных фрагментов в полотнище. Тем не менее,

рыболовы Приамурья, в генотипе которых присутствует значительный тунгусский компонент, на уровне костюма сохранили следы культуры охотничьего типа. Это проявилось, главным образом, в наличии элементов одежды (преимущественно, головных уборов), форма и прежняя семантика которых указывает на их появление в контексте охотничьих практик и в качестве средства подражания объекту охоты.

Тип материала для одежды различной сезонной принадлежности у охотников-оленоводов и рыболовов соответствовал главному объекту их традиционной хозяйственной деятельности в конкретное время года. Тунгусы, практикующие охоту и оленеводство круглый год, использовали шкуры животных, однако при изготовлении летней одежды с их поверхности удалялся ворс. У рыболовов летние костюмы шились из материалов, добывавшихся больше летом (рыбьей кожи), а зимних – зимой (шкур животных). В обоих случаях основным материалом для костюма выступал побочный продукт пищевого производства. Нехарактерные для охотников-оленоводов и рыболовов основы (нерпичья шкура) наблюдались в местах пересечения жителей тайги, тундры и реки с обитателями морского побережья. Если у эвенков и эвенов здесь образовывались стационарные поселения, то рыболовы и охотники Приамурья и Приморья проникали в эту зону только в определенный период года с целью морского промысла, возникшего в контексте их натурального хозяйства на границах основных промысловых периодов.

Принципы деления года тунгусо-маньчжурами севера и юга Дальнего Востока структурно однородны сезонной классификации их питания. Это проявляется в совпадении их количественных и качественных характеристик. Основными провиантами, определяющими их протеиново-липидный тип питания, были мясо и рыба, а также жиры, получаемые из субпродуктов белкового происхождения. На юге Дальнего Востока большее разнообразие в питании обеспечивалось увеличением доли дикоросов, которые использовались в качестве приправы. Незрелость у тунгусо-маньчжуров культуры употребления специй обуславливалась не только уровнем развития пищевой культуры, но и обилием белковой пищи, которая не требовала дополнительного привлечения вкусовых добавок. Отличие комплексов питания обоих региональных типов составляли также способы хранения и накопления ресурсов питания. У оленеводов-охотников это обеспечивалось разведением домашних животных и дополнительным приручением диких оленей. У оседлых рыболовов накопление запасов еды осуществлялось путем развития технологии приготовления полуфабрикатов, которыми они наполняли свои амбары. Этот конкретный исторический пример подтверждает высказывание Б. В. Маркова о том, что «символом оседлости» является «не изба, а хранилище» [6, с. 296].

На технологическом уровне культуры питания тунгусо-маньчжуров прослеживаются также два типа: один характеризует кочевую культуру, другой – оседлую. Маркерами подвижного образа жизни выступали технологии копчения и жарения с применением вертела, ускоряющие процесс приготовления пищи и не требующие специального инвентаря и помещений. Эти приемы использовали больше охотники-оленоводы, а также племена территориально, генетически или по образу жизни близкие к ним. Знаками оседлости можно считать, во-первых, использование технологий, предполагавших сохранение естественных температурных режимов и потому дополнительных ресурсов времени, во-вторых, превалирование вареной и жидкой пищи в рационе питания. Черты этой оседлой пищевой культуры во второй половине XIX – начале XX в. были представлены, главным образом, в питании нанайцев и ульчей, имеющих постоянные поселения вдоль основного русла Амура. Распространению варки на юге Дальнего Востока также содействовал рост в рационе питания покупных растительных провиантов, многие виды которых обжаривать на огне было нецелесообразно. Анализ мифологических нарративов нанайцев позволяет сделать вывод о том, что приготовленная в пределах дома и с помощью котла пища выступала у них в качестве знака «культуры», а жареная в лесу и на вертеле еда осмысливалась в качестве способа приготовления еды несоматриализованной частью населения или характеризовала пищу «чужих» [1]. Очевидно, что такая семантика жареной еды стала актуальной для рыболовов с появлением постоянных поселений и закреплением привычки готовить вареную пищу и с помощью котла.

Предпосылки модификации культуры жизнеобеспечения оленеводов-охотников и рыболовов, основанной на развитии морского промысла, содержались внутри их натурального хозяйства, представляющего собой равновесную систему. Оседание ряда тунгусских групп в районе побережья Охотского моря было результатом их регулярного весеннего прихода в эти места в связи с нуждами оленеводческого промысла, что можно рассматривать в аспекте динамики их культуры в качестве своего рода аттрактора. В связи с истощением ресурсов тайги, многими группами кочевых племен выбор был сделан в пользу рыболовства. Они были вынуждены решать проблему продовольственного дефицита, т.е. «приводить себя в соответствие с изменяющимися условиями среды» [4, с. 4] путем лишения себя того, что ранее составляло смысл их жизни – возможности постоянно перемещаться в пространстве, меняя при этом природные ландшафты. У речных рыболовов морской промысел как дополнительный источник выживания стал практиковаться в периоды, когда осуществление основных традиционных видов промыслов – рыболовства и охоты – было невозможно ввиду объективных обстоятельств, складывавшихся в природной среде, т.е. на границе основных хозяйственных и фенологических циклов. Технология промысла морского зверя у тунгусо-маньчжуров была во многом производна от навыков таежной охоты [8, с. 763-778]. Лишь у ороков и ульчей появился специальный плавающий гарпун на нерпу [Там же, с. 856]. У речных рыболовов на морском побережье не было зафиксировано наличие стационарных или постоянных поселений, как у многих палеоазиатских племен и некоторых групп тунгусов. Это обстоятельство можно объяснить тем, что у населения бассейна рек Амгунь,

Амур и их притоков морской промысел не играл существенной роли в культуре питания, за исключением жирив, применяемых в кулинарии.

Л. И. Мечников говорил о выходе к морю как о важном показателе эволюции любой культуры: «Подобно тому, как воды всякой великой реки, в конце концов, достигают моря, так и каждая речная культура должна погибнуть или раствориться в каком-либо обширном культурном потоке, или же развиться в более обширную, морскую, распространяющуюся на все стороны культуру» [7, с. 142]. Некоторые группы тунгусов, которым и ранее было свойственно двигаться вдоль русла рек, достигнув побережья моря и потеряв частично или полностью оленей, образовали здесь поселения, занялись промыслом рыбы и со временем стали органичной частью чукотско-камчатской историко-культурной общности. Но эти процессы у тунгусов нельзя однозначно назвать необратимыми. К. Д. Логиновский отмечал, что «...инородцы показали свою гибкость ума и способность приспосабливаться к новым условиям жизни» [3, с. 9]: потеряв стада, они начинали добывать рыбу или промыслять морского зверя, однако, те, что смогли вновь приобрести оленей, возвращались к кочевой жизни [Там же]. Группы тунгусов, оказавшиеся в верховьях р. Амгунь, в меньшей степени подверглись изменению. На фоне их консервативности нижнеамгунские негидальцы, у которых исследователи отмечают значительно выраженный в языке и внешнем облике палеоазиатский элемент, выглядели как опытные зверобои [9].

Тем не менее, развитие зверобойного промысла можно считать предпосылкой значительной трансформации культуры жизнеобеспечения народов юга Дальнего Востока. Морская охота у речных рыболовов, как и пушная у всех тунгусо-маньчжуров, обслуживала культуру торговых связей: нерпичьи шкуры, как и соболь, шли чаще на обмен, в результате которого появлялись альтернативные натуральному хозяйству источники получения средств существования: покупные провианты, кухонная утварь, материалы для одежды и сама готовая одежда. Торговые отношения охотников и рыболовов с соседними скотоводами и земледельцами Сибири и Юго-Восточной Азии привели к разложению натурального хозяйства и другим модификациям, которые можно рассматривать в качестве стадийных изменений их культуры жизнеобеспечения. Приспособление хозяйства к нуждам торговых отношений способствовало развитию территориальности и прав владения на промысловые угодья.

Таким образом, на периферии основных ареалов расселения тунгусо-маньчжуров и двух культур жизнеобеспечения, названных «идущие за оленями» и «ожидающие путины», возникают новые формы, сочетающие, с одной стороны, характеристики этих двух основных типов, а с другой, – черты жизнеобеспечивающих практик народов чукотско-камчатского региона. Побережье Охотского моря для основной массы тунгусо-маньчжуров стало выходом к новым формам жизнеобеспечения, основанным на торговле и внешнем обеспечении. Экологическое сознание тунгусо-маньчжуров рубежа XIX-XX вв. еще вписывалось в рамки мифологической парадигмы миропонимания, однако в нем также стали заметны качественные изменения. Мутации внутри традиционной картины мира тунгусов возникали не только под воздействием товарных отношений, но под воздействием религии маньчжуров, деятельности православных миссий, в результате которых промысел объектов природы стал превышать потребности натурального хозяйства. Эти модификации проявлялись в виде антропоцентрических мотивов, идей превосходства человека над другими живыми существами и формирования вертикальной иерархии живого мира. Именно в новых религиях могли найти свое обоснование процессы превращения объектов природы, которые еще продолжали служить источником жизнедеятельности, в средство обмена.

Список литературы

1. **Иващенко Я. С.** Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры). Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010.
2. **Карабанова С. Ф.** Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР. М.: Наука, 1979.
3. **Логиновский К. Д.** О положении инородцев Амурского края и об улучшении их быта: сообщение, сделанное в общем собрании членов Общества изучения Амурского края 18 июня 1905 г. Владивосток: Тип. Прим. обл. прав., 1906.
4. **Маркарян Э. С.** Глобально-экологическое моделирование и интеграция наук. Пушино: Научный центр биологический исследований АН СССР в Пушино, 1980.
5. **Маркарян Э. С.** Региональный эколого-ноосферный эксперимент. Обоснование идеи и концепция программы системно-оптимизационных экологических исследований (на примере Армянской ССР). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1986.
6. **Марков Б. В.** Антропология дома // Собрание научно-образовательного культурологического общества: материалы III собрания научно-образовательного культурологического общества, научно-практического семинара «Современная молодежь в зеркале культурологических исследований и проблемы ее идентичности», круглого стола «Культурная миссия университета и культура университетской повседневности», I Герценовской школы практической культурологи 22-23 апреля 2009 года. СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
7. **Мечников Л. И.** Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ / пер. с фр. М. Д. Гродецкого. Харьков: Южно-Русское книгоиздательство, 1899.
8. **Народы Сибири:** этнографические очерки / под общ. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. – Л.: Изд-во академии наук СССР, 1956.
9. **Gapanovich I. I.** The Tungus Negidal Tribes of the Amgun Basin: Their Future. Harbin, 1927.

“FOLLOWING DEER” AND “EXPECTING FISHING SEASON”: TO THE PROBLEM OF TUNGUS-MANCHURIANS' LIFE-SUPPORT CULTURE TYPOLOGY

Yana Sergeevna Ivashchenko, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Department of Culturology
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
iva_ya@mail.ru

The author presents the results of Tungus-Manchurians' life-support culture typology in the aspect of their interaction with natural environment and shows the connection of the invariant image of space and time with concrete landscape and material practice type. The characteristics of the basic types are considered in their relation to the peripheral zones in which new forms of life-support arouse.

Key words and phrases: life-support culture; natural-ecological sub-system; typology; isomorphic models; periphery.

УДК 800.732

Статья посвящена вопросам межкультурных коммуникаций в условиях многонационального региона. Интенсивность взаимодействия культур, как и степень вероятности вступления национальностей в межэтнические контакты, является производной от мозаичности национального состава. Индекс мозаичности определяется соотношением по числовому критерию национальных групп в регионе. Доминирующим фактором, определяющим формы движения и состав населения по половозрастным, национальным, профессионально-правовым и другим критериям, является миграция.

Ключевые слова и фразы: миграционные потоки; межнациональный контакт; мозаичность национального состава; интенсивность межэтнического взаимодействия.

Ольга Борисовна Истомина, к.с.н., доцент
Кафедра общественных наук
Ангарская государственная техническая академия
olgaistomina@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ©

Национальный состав и социально-демографическая структура Прибайкальского региона обусловлены историей области, а также определяются современными структурными изменениями. Диахронический аспект является ключевым в процессе формирования регионального уровня национальной мозаичности. Славянские группы со времени своего появления в Сибири активно участвовали в освоении региона. Тесное взаимодействие русских с коренным населением явилось одной из многих причин формирования локальных типов культуры. Регион подобен перекрёстку культур и по мозаичности национальной структуры населения не уступает всему государству.

Согласно бюллетеням Иркoblкомстата, численность постоянного населения Иркутской области на 01.01.2011 г., включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, составила 2498,9 тыс. чел. более 140 национальностей [3, с. 97]. В регионе проживают представители традиционных для области национальностей, бывших российских автономий, немалую часть населения составляют коренные сибирские народы. Картина численно доминирующих национальностей, превышающих шеститысячный барьер, выглядит следующим образом: русские (89,9%); буряты (3,1%); украинцы (2,1%); татары (1,2%); белорусы (0,5%); чуваша (0,3%); армяне (0,3%); азербайджанцы (0,2%); другие национальности (2,4%).

История региона всегда определяла состояние миграционного процесса в области, и вместе с ним уровень межнациональных контактов. Освоение сибирских территорий, организация политических поселений, ссылки, разработки месторождений, различные проявления индустриализации Сибири, стабильные рейтинги экономического развития среди центров СФО обеспечивали прирост населения и формировали национальный состав Прибайкалья. Сегодня региональная национальная мозаичность во многом обусловлена процессами миграции населения. В последнее десятилетие обнаруживается тенденция нарастания миграционной убыли, причины которой выявляют социальные, экономические, экологические и другие проблемы региона. За последний год численность области уменьшилась на 3,8 тыс. чел. из-за миграционной убыли, которую лишь на 31% компенсировал полученный естественный прирост. Сравнительный анализ данных 2009-2010 гг. представлен в Таблице 1 [Там же]: